

ПОСВЯЩАЕТСЯ ЯЛТЕ

История, рассказанная ниже, правдива. К сожалению, в наши дни не только ложь, но и простая правда нуждается в солидных подтверждениях и доводах. Не есть ли это знак, что мы вступаем в совершенно новый, но грустный мир? Доказанная правда есть, собственно, не правда, а всего лишь сумма доказательств. Но теперь не говорят «я верю», а «согласен».

В атомный век людей волнуют больше не вещи, но строение вещей. И как ребенок, распатронив куклу, рыдает, обнаружив в ней труху, так подоплеку тех или иных событий мы обычно принимаем за самые события. В этом есть свое очарование, поскольку мотивы, отношения, среда и прочее — все это жизнь. А к жизни нас приучили относиться как к объекту наших умозаключений.

И кажется порой, что нужно только переплести мотивы, отношенья, среду, проблемы — и произойдет событие; допустим, преступление. Ан нет. За окнами — обычный день, накрапывает дождь, бегут машины, и телефонный аппарат (клубок катодов, спаек, клемм, сопротивлений) безмолвствует. Событие, увы, не происходит. Впрочем, слава Богу.

Описанное здесь случилось в Ялте. Естественно, что я пойду навстречу указанному выше представленью

о правде — то есть стану потрошить ту куколку. Но да простит меня читатель добрый, если кое-где прибавлю к правде элемент Искусства, которое, в конечном счете, есть основа всех событий (хоть искусство писателя не есть Искусство жизни, а лишь его подобье).

Показанья свидетелей даются в том порядке, в каком они снимались. Вот пример зависимости правды от искусства, а не искусства — от наличия правды.

1

«Он позвонил в тот вечер и сказал, что не придет. А мы с ним сговорились еще во вторник, что в субботу он ко мне заглянет. Да, как раз во вторник. Я позвонил ему и пригласил его зайти, и он сказал: «В субботу». С какою целью? Просто мы давно хотели сесть и разобрать совместно один этюд Чигорина. И все. Другой, как вы тут выразились, цели у встречи нашей не было. При том условии, конечно, что желанье увидеться с приятным человеком не называют целью. Впрочем, вам видней... но, к сожалению, в тот вечер он, позвонив, сказал, что не придет. А жаль! я так хотел его увидеть.

Как вы сказали: был взволнован? Нет. Он говорил своим обычным тоном. Конечно, телефон есть телефон; но, знаете, когда лица не видно, чуть-чуть острее воспринимаешь голос. Я не слышал волнения... Вообще-то он как-то странно составлял слова. Речь состояла более из пауз,

всегда смущавших несколько. Ведь мы молчанье собеседника обычно воспринимаем как работу мысли. А это было чистое молчанье. Вы начинали ощущать свою зависимость от этой тишины, и это сильно раздражало многих. Нет, я-то знал, что этот результат контузии. Да, я уверен в этом. А чем еще вы объясните... Как? Да, значит, он не волновался. Впрочем, ведь я сужу по голосу и только. Скажу во всяком случае одно: тогда во вторник и потом в субботу он говорил обычным тоном. Если за это время что-то и стряслось, то не в субботу. Он же позвонил! Взволнованные так не поступают! Я, например, когда волнуюсь... Что? Как протекал наш разговор? Извольте. Как только прозвучал звонок, я тотчас снял трубку. «Добрый вечер, это я. Мне нужно перед вами извиниться. Так получилось, что прийти сегодня я не сумею». Правда? Очень жаль. Быть может, в среду? Мне вам позвонить? Помилуйте, какие тут обиды! Так до среды? И он: «Спокойной ночи». Да, это было около восьми. Повесив трубку, я прибрал посуду и вынул доску. Он в последний раз советовал пойти ферзем Е-8. То был какой-то странный, смутный ход. Почти нелепый. И совсем не в духе Чигорина. Нелепый, странный ход, не изменявший ничего, но этим на нет сводивший самый смысл этюда. В любой игре существенен итог: победа, поражение, пусть ничейный, но все же результат. А этот ход — он как бы вызывал у тех фигур сомнение в своем существованье. Я просидел с доской до поздней ночи.

Быть может, так когда-нибудь и будут играть, но что касается меня...

Простите, я не понял: говорит ли мне что-нибудь такое имя? Да.

Пять лет назад мы с нею разошлись.

Да, правильно: мы не были женаты.

Он знал об этом? Думаю, что нет.

Она бы говорить ему не стала.

Что? Эта фотография? Ее

я убирал перед его приходом.

Нет, что вы! вам не нужно извиняться.

Такой вопрос естественен, и я...

Откуда мне известно об убийстве?

Она мне позвонила в ту же ночь.

Вот у кого взволнованный был голос!»

2

«Последний год я виделась с ним редко,

но виделась. Он приходил ко мне

два раза в месяц. Иногда и реже.

А в октябре не приходил совсем.

Обычно он предупреждал звонком

заранее. Примерно за неделю.

Чтоб не случилось путаницы. Я,

вы знаете, работаю в театре.

Там вечно неожиданности. Вдруг

заболевает кто-нибудь, сбегает

на киносъёмку — нужно заменять.

Ну, в общем, в этом духе. И к тому же

— к тому ж он знал, что у меня теперь...

Да, верно. Но откуда вам известно?

А впрочем, это ваше амплуа.

Но то, что есть теперь, ну, это, в общем,

серьезно. То есть я хочу сказать,

что это... Да, и несмотря на это

я с ним встречалась. Как вам объяснить!

Он, видите ли, был довольно странным

и непохожим на других. Да, все,

все люди друг на друга непохожи.

Но он был непохож на всех других.

Да, это в нем меня и привлекало.

Когда мы были вместе, все вокруг

существовать переставало. То есть все продолжало двигаться, вертеться — мир жил; и он его не заслонял. Нет! я вам говорю не о любви! Мир жил. Но на поверхности вещей — как движущихся, так и неподвижных — вдруг возникало что-то вроде пленки, вернее — пыли, придававшей им какое-то бессмысленное сходство. Так, знаете, в больницах красят белым и потолки, и стены, и кровати. Ну, вот представьте комнату мою, засыпанную снегом. Правда, странно? А вместе с тем, не кажется ли вам, что мебель только выиграла б от такой метаморфозы? Нет? А жалко. Я думала тогда, что это сходство и есть действительная внешность мира. Я дорожила этим ощущением.

Да, именно поэтому я с ним совсем не порывала. А во имя чего, простите, следовало мне расстаться с ним? Во имя капитана? А я так не считаю. Он, конечно, серьезный человек, хоть офицер. Но это ощущение для меня всего важнее! Разве он сумел бы мне дать его? О Господи, я только сейчас и начинаю понимать, насколько важным было для меня то ощущение! Да, и это странно. Что именно? Да то, что я сама отныне стану лишь частичкой мира, что и на мне появится налет той патины. А я-то буду думать, что непохожа на других!.. Пока мы думаем, что мы неповторимы, мы ничего не знаем. Ужас, ужас.

Простите, я налью себе вина.
Вам тоже? С удовольствием. Ну что вы,

я ничего не думаю! Когда и где мы познакомились? Не помню. Мне кажется, на пляже. Верно, там: в Ливадии, на санаторском пляже. А где еще встречаешься с людьми в такой дыре, как наша? Как, однако, вам все известно обо мне! Зато вам никогда не угадать тех слов, с которых наше началось знакомство. А он сказал мне: «Понимаю, как я вам противен, но...» — что было дальше, не так уж важно. Правда, ничего? Как женщина советую принять вам эту фразу на вооруженье. Что мне известно о его семье? Да ровным счетом ничего. Как будто, как будто сын был у него — но где? А впрочем, нет, я путаю: ребенок у капитана. Да, мальчишка, школьник. Угрюм; но, в общем, вылитый отец... Нет, о семье я ничего не знаю. И о знакомых тоже. Он меня ни с кем, насколько помню, не знакомил. Простите, я налью себе еще. Да, совершенно верно: душный вечер.

Нет, я не знаю, кто его убил. Как вы сказали? Что вы! Это — тряпка. Сошел с ума от ферзевых гамбитов. К тому ж они приятели. Чего я не могла понять, так этой дружбы. Там, в ихнем клубе, они так дымят, что могут завонять весь Южный Берег. Нет, капитан в тот вечер был в театре. Конечно, в штатском! Я не выношу их форму. И потом мы возвращались обратно вместе.

Мы его нашли в моем парадном. Он лежал в дверях. Сначала мы решили — это пьяный. У нас в парадном, знаете, темно. Но тут я по плащу его узнала: на нем был белый плащ, но весь в грязи. Да, он не пил. Я знаю это твердо;

да, видимо, он полз. И долго полз. Потом? Ну, мы внесли его ко мне и позвонили в отделение. Я? Нет — капитан. Мне было просто худо.

Да, все это действительно кошмар. Вы тоже так считаете? Как странно. Ведь это — ваша служба. Вы правы: да, к этому вообще привыкнуть трудно. И вы ведь тоже человек... Простите! Я неудачно выразилась... Да, пожалуйста! Но мне не наливайте. Мне хватит. И к тому ж я плохо сплю, а утром — репетиция. Ну, разве как средство от бессонницы. Вы в этом убеждены? Тогда — один глоток. Вы правы, нынче очень, очень душно. И тяжело. И совершенно нечем дышать. И все мешает. Духота. Я задыхаюсь. Да. А вы? А вы? Вы тоже, да? А вы? А вы? Я больше — я больше ничего не знаю. Да? Я совершенно ничего не знаю. Ну что вам нужно от меня? Ну что вы... Ну что ты хочешь? А? Ну что? Ну что? Ну что?»

3

«Так вы считаете, что я обязан давать вам объяснения? Ну что ж, обязан так обязан. Но учтите: я вас разочарую, так как мне о нем известно, безусловно, меньше, чем вам. Хотя того, что мне известно, достаточно, чтобы сойти с ума. Вам, полагаю, это не грозит, поскольку вы... Да, совершенно верно: я ненавижу этого субъекта. Причины вам, я думаю, ясны. А если нет — вдаваться в объяснения бессмысленно. Тем более, что вас, в конце концов, интересуют факты. Так вот: я признаю, что ненавижу.

Нет, мы с ним не были знакомы. Я — я знал, что у нее бывает кто-то. Но я не знал, кто именно. Она, конечно, ничего не говорила. Но я-то знал! Чтоб это знать, не нужно быть Шерлок Холмсом вроде вас. Вполне достаточно обычного вниманья. Тем более... Да, слепота возможна. Но вы совсем не знаете ее! Ведь если она мне не говорила об этом типе, то не для того, чтоб что-то скрыть! Ей просто не хотелось расстраивать меня. Да и скрывать там, в общем, было нечего. Она же сама призналась — я ее припер к стене, — что скоро год, как ничего уже меж ними не было... Не понял — поверил ли я ей? Ну да, поверил. Другое дело, стало ли мне легче.

Возможно, вы и правы. Вам видней. Но если люди что-то говорят, то не затем, чтоб им не доверяли. По мне, уже само движенье губ существенней, чем правда и неправда: в движенье губ гораздо больше жизни, чем в том, что эти губы произносят. Вот я сказал вам, что поверил; нет! Здесь было нечто большее. Я просто увидел, что она мне говорит. (Заметьте, не услышал, но увидел!) Поймите, предо мной был человек. Он говорил, дышал и шевелился. Я не хотел считать все это ложью, да и не мог... Вас удивляет, как с таким подходом к человеку все же я ухитрился получить четыре звезды? Но это — маленькие звезды. Я начинал совсем иначе. Те, с кем начинал я, — те давно имеют большие звезды. Многие и по две. (Прибавьте к вашей версии, что я еще и неудачник; это будет

способствовать ее правдоподобию.)
Я, повторяю, начинал иначе.
Я, как и вы, везде искал подвох.
И находил, естественно. Солдаты —
такой народ — все время норовят
начальство охмурить... Но как-то я
под Кошице, в сорок четвертом, понял,
что это глупо. Предо мной в снегу
лежало двадцать восемь человек,
которым я не доверял, — солдаты.
Что? Почему я говорю о том,
что не имеет отношения к делу?
Я только отвечал на ваш вопрос.

Да, я вдовец. Уже четыре года.
Да, дети есть. Один ребенок, сын.
Где находился вечером в субботу?
В театре. А потом я провожал
ее домой. Да, он лежал в парадном.
Что? Как я реагировал? Никак.
Конечно, я узнал его. Я видел
их вместе как-то раз в универмаге.
Они там что-то покупали. Я
тогда и понял...

Дело в том, что с ним
я сталкивался изредка на пляже.
Нам нравилось одно и то же место —
там, знаете, у сетки. И всегда
я видел у него на шее пятна...
те самые, ну, знаете... Ну вот.
Однажды я сказал ему — ну, что-то
насчет погоды, — и тогда он быстро
ко мне нагнулся и, не глядя на
меня, сказал: «Мне как-то с вами неохота»,
и только через несколько секунд
добавил: «разговаривать». При этом
все время он смотрел куда-то вверх.
Вот в ту минуту я, клянусь вам, мог
убить его. В глазах моих стемнело,
я ощутил, как заливают мозг
горячая волна, и на мгновенье,
мне кажется, я потерял сознание.
Когда я наконец пришел в себя,
он возлежал уже на прежнем месте,

накрыв лицо газетой, и на шее
темнели эти самые подтеки...
Да, я не знал тогда, что это — он.
По счастью, я еще знаком с ней не был.

Потом? Потом он, кажется, исчез:
я как-то не встречал его на пляже.
Потом был вечер в Доме Офицеров,
и мы с ней познакомились. Потом
я увидел их там, в универмаге...
Поэтому его в субботу ночью
я сразу же узнал. Сказать вам правду,
я до известной степени был рад.
Иначе все могло тянуться вечно,
и всякий раз после его визитов
она была немного не в себе.
Теперь, надеюсь, все пойдет как надо.
Сначала будет малость тяжело,
но я-то знаю, что в конце концов
убитых забывают. И к тому же
мы, видимо, уедем. У меня
есть вызов в Академию. Да, в Киев.
Ее возьмут в любой театр. А сын
с ней очень дружит. И, возможно, мы
с ней заведем и своего ребенка.
Я — хахаха — как видите, еще...
Да, я имею личное оружие.
Да нет, не «стечкин» — просто у меня
еще с войны трофейный парабеллум.
Ну да, раненье было огнестрельным».

4

«В тот вечер батя отвалил в театр,
а я остался дома вместе с бабкой.
Ага, мы с ней смотрели телевизор.
Уроки? Так ведь то ж была суббота!
Да, значит, телевизор. Про чего?
Сейчас уже не помню. Не про Зорге?
Ага, про Зорге! Только до конца
я не смотрел — я видел это раньше.
У нас была экскурсия в кино.
Ну вот... С какого места я ушел?

Ну, это там, где Клаузен и немцы.
Верней, японцы... и потом они
еще плывут вдоль берега на лодке.
Да, это было после девяти.
Наверно. Потому что гастроном
они в субботу закрывают в десять,
а я хотел мороженого. Нет,
я посмотрел в окно — ведь он напротив.
Да, и тогда я захотел пройтись.
Нет, бабке не сказался. Почему?
Она бы зарычала — ну, пальто,
перчатки, шапка — в общем, все такое.
Ага, был в куртке. Нет, совсем не в этой,
а в той, что с капюшоном. Да, она
на молнии.

Да, положил в карман.
Да нет, я просто знал, где ключ он прячет...
Конечно, просто так! И вовсе не
для хвастовства! Кому бы стал я хвастать?
Да, было поздно и вообще темно.
О чем я думал? Ни о чем не думал.
По-моему, я просто шел и шел.

Что? Как я очутился наверху?
Не помню... в общем, потому что сверху
спускаешься когда, перед тобой
все время — гавань. И огни в порту.
Да, верно, и стараешься представить
что там творится. И вообще когда
уже домой — приятнее спускаться.
Да, было тихо и была луна.
Ну, в общем было здорово красиво.
Навстречу? Нет, никто не попадался.
Нет, я не знал, который час. Но «Пушкин»
в субботу отправляется в двенадцать,
а он еще стоял — там, на корме,
салон для танцев, где цветные стекла,
и сверху это вроде изумруда.
Ага, и вот тогда...

Чего? Да нет же!
Еенный дом над парком, а его
я встретил возле выхода из парка.
Чего? а вообще у нас какие

с ней отношения? Ну как — она красивая. И бабка так считает. И вроде ничего, не лезет в душу. Но мне-то это, в общем, все равно. Папаша разберется...

Да, у входа.

Ага, курил. Ну да, я попросил, а он мне не дал и потом... Ну, в общем, он мне сказал: «А ну катись отсюда» и чуть попозже — я уж отошел шагов на десять, может быть, и больше — вполголоса прибавил: «негодяй».

Стояла тишина, и я услышал.

Не знаю, что произошло со мной!

Ага, как будто кто меня ударил.

Мне словно чем-то залило глаза, и я не помню, как я обернулся и выстрелил в него! Но не попал: он продолжал стоять на прежнем месте и, кажется, курил. И я... и я...

Я закричал и бросился бежать.

А он — а он стоял...

Никто со мною

так никогда не говорил! А что, а что я сделал? Только попросил.

Да, папиросу. Пусть и папиросу!

Я знаю, это плохо. Но у нас почти все курят. Мне и не хотелось курить-то даже! Я бы не курил, я только подержал бы... Нет же! нет же!

Я не хотел себе казаться взрослым!

Ведь я бы не курил! Но там, в порту, везде огни и светлячки на рейде...

И здесь бы тоже... Нет, я не могу как следует все это... Если можно, прошу вас: не рассказывайте бате!

А то убьет... Да, положил на место.

А бабка? Нет, она уже уснула.

Не выключила даже телевизор, и там мелькали полосы... Я сразу, я сразу положил его на место и лег в кровать! Не говорите бате!

Не то убьет! Ведь я же не попал!

Я промахнулся! Правда? Правда? Правда?!»

Такой-то и такой-то. Сорок лет.
 Национальность. Холост. Дети — прочерк.
 Откуда прибыл. Где прописан. Где,
 когда и кем был найден мертвым. Дальше
 идут подозреваемые: трое.
 Итак, подозреваемые — трое.
 Вообще, сама возможность заподозрить
 трех человек в убийстве одного
 весьма красноречива. Да, конечно,
 три человека могут совершить
 одно и то же. Скажем, съесть цыпленка.
 Но тут — убийство. И в самом том факте,
 что подозрение пало на троих,
 залог того, что каждый был способен
 убить. И этот факт лишает смысла
 все следствие — поскольку в результате
 расследования только узнаешь,
 кто именно; но вовсе не о том, что
 другие не могли... Ну что вы! Нет!
 Мороз по коже? Экий вздор! Но в общем
 способность человека совершить
 убийство и способность человека
 расследовать его — при всей своей
 преемственности видимой — бесспорно
 не равнозначны. Вероятно, это
 как раз эффект их близости... О да,
 все это грустно...

Как? Как вы сказали?!

Что именно само уже число
 лиц, на которых пало подозрение,
 объединяет как бы их и служит
 в каком-то смысле алиби? Что нам
 трех человек не накормить одним
 цыпленком? Безусловно. И, выходит,
 убийца не внутри такого круга,
 но за его пределами. Что он
 из тех, которых не подозреваешь?!
 Иначе говоря, убийца — тот,
 кто не имеет повода к убийству?!
 Да, так оно и вышло в этот раз.
 Да-да, вы правы... Но ведь это... это...

Ведь это — апология абсурда!
Апофеоз бессмысленности! Бред!
Выходит, что тогда оно — логично.
Постойте! Объясните мне тогда,
в чем смысл жизни? Неужели в том,
что из кустов выходит мальчик в куртке
и начинает в вас палить?! А если,
а если это так, то почему
мы называем это преступленьем?
И, сверх того, расследуем! Кошмар.
Выходит, что всю жизнь мы ждем убийства,
что следствие — лишь форма ожидания,
и что преступник вовсе не преступник,
и что...

Простите, мне нехорошо.
Поднимемся на палубу: здесь душно...
Да, это Ялта. Видите, вон там —
там этот дом. Нет, чуть повыше, возле
Мемориала... Как он освещен!
Красиво, правда?.. Нет, не знаю сколько
дадут ему. Да, все это уже
не наше дело. Это — суд. Наверно
ему дадут... Простите, я сейчас
не в силах размышлять о наказании.
Мне что-то душно. Ничего, пройдет.
Да, в море будет несомненно легче.
Ливадия? Она вон там. Да-да,
та группа фонарей. Шикарно, правда?
Да, хоть и ночью. Как? Я не расслышал?
Да, слава Богу. Наконец плывем.

«Колхида» вспенила бурун, и Ялта —
с ее цветами, пальмами, огнями,
отпускниками, льнущими к дверям
закрытых заведений, точно мухи
к зажженным лампам — медленно качнулась
и стала поворачиваться. Ночь
над морем отличается от ночи
над всякой сушею примерно так же,
как в зеркале встречающийся взгляд —
от взгляда на другого человека.
«Колхида» вышла в море. За кормой
струился пенистый, шипящий след,

и полуостров постепенно таял
в полночной тьме. Вернее, возвращался
к тем очертаньям, о которых нам
твердит географическая карта.

январь—февраль 1969